

Дольче Вита

Известия, — 2001. — 3 июля. — с. 9

Верди на Собиновском музыкальном фестивале

XIV Собиновский музыкальный фестиваль, идущий в Саратове, посвящен памяти Верди. Этот жест сразу выделяет Саратов из российской музыкальной действительности. Наши театры отмечают Год Верди в лучшем случае постановкой одной из его 26 опер. А Саратовская опера устраивает двухнедельную акцию, становясь в один ряд с главными оперными домами Европы.

Марина БОРИСОВА

Год Верди отрабатывается здесь по всем статьям. Как в Венской опере, проводившей недели памяти композитора, Саратов собрал весь собственный вердиевский репертуар, вставив в него певцов-гастролеров. Среди них — москвичка Ирина Долженко (Амнерис) в нетленной «Аиде», Айтилина Адамова из Петербурга в роли цыганки Азучены и Владислав Верестников из Москвы в роли ее смертельного врага графа Ди Луна в суперромантическом «Трубадуре». Хиты из запасников пополнила премьера «Риголетто» (премьера сезона).

Но Саратов не только утверждает образ российского Верди (несколько популярных названий), но и освежает его новыми штрихами. На видеосеминаре в рамках фестиваля кроме четырех версий «Риголетто» (хороший гарнир к премьере) показаны «Стиффелио» и «Фальстаф». На гала-концерте soprano Маргарита Алавердян (Петербург) поет арии из редких опер — Эльвиры из «Эрнани», Одабеллы из «Аттилы» и Болеро Елены из «Сицилийской вечерни».

Открытие торжеств вышло и вовсе нетривиальным. Оркестр и

хор театра под управлением Юрия Кочнева исполнили четыре духовных сочинения Верди на латинские тексты. Три из них, среди которых и «Stabat Mater», посвящены Деве Марии, а заключительная «Te Deum» — монументальный католический гимн. И хотя эти опусы, более ста лет назад с успехом звучавшие у знаменитого Артуро Тосканини, и не сразили силой, свойственной операм уроженца итальянской деревни Ронколе, концерт оставил ни с чем не сравнимое удовлетворение открытию. Тем более что он символически совпал с двумя видными фактами: в день начала саратовских торжеств в Европе звучал «Реквием» Верди — на фестивале Флорентийский музыкальный май под управлением Зубина Меты и в Венской опере с Риккардо Мути.

Три года назад худрук Юрий Кочнев преобразил Собиновский фестиваль. Опера поделилась местом с симфонической музыкой и концертом, а затхлый дух академизма был разбавлен вечерами contemporary dance или концертами известных российских рок-групп вроде «ДДТ». В этот раз продвинутую культуру представляли не только группа «Чиж и К», но и «Риголетто», поставленный

молодыми людьми из Москвы — режиссером Дмитрием Беловым и сценографом Альоной Пикаловой. Их спектакль интересен не только опероману в лорнете и буклях, но и тем, кто в оперу не ходит, а предпочитает хорошее европейское кино, выставки актуального искусства и следит за современной модой.

«Риголетто» по-русски — это обычно доходящий до мракобесия сценический реализм, поперченный «шекспировскими страстями», каковые выжимаются из оркестра и баритона, в честь которого опера и названа. Роковое проклятие, висящее над шутком, развлекающим двор вельможи в Мантуе, и гибель его единственной дочери понимаются как вопиющая трагедия. Не то в Саратове, сумевшем забыть о тяжелом российском наследии. Нельзя сказать, что спектакль лишен драматизма — собранный волевой оркестр не дает забыть о романтических страстях. Юрий Кочнев неумолимо тащит звуковую громаду вперед, достигая в особо драматических подвигах удивительного эмоционального накала.

Однако тяжелую руку Верди в яме на сцене сменяет яркое шоу с манящими разноцветными огнями. Огромная надпись «Риголетто» в стиле световой рекламы развлекательной индустрии Лас-Вегаса приглашает посетить иллюзион Герцога мантуанского — мистификатора, меняющего свои наряды в зависимости от игры. Соблазняя приютскую сиротку Джильду с плюшевым кроликом (1-е д.), он надевает крылышки

ЮРИЙ КАБАНОВ

Риголетто — Александр Багмат, Джильда — Марина Багмат

ангела, обещаая любовный улет. Дома он в китайском халате а-ля Людвиг II Баварский (2-е д.). В кабаке Маддалены это уже Элвис Пресли (черный кожаный камзол с молниями). На балу — бог из машины, который в золотом венчике взлетает на облаке. Внизу зеркальная эстрада (см. «Джинджер и Фред» Феллини), где много ярких женщин. Среди красоток — графиня Чепрано, одетая от Пьерри Мюглера, на которую проливается золотой дождь.

Впрочем, перо бессильно описать этот пир эклектики. Как в барокко, здесь форма разбухает от избытка, что наблюдать чрезвычайно интересно. «Риголетто» — зеркало, где отразился наш век: напичканный поп-артовскими идеями, он смотрит на XVII (время действия у Верди), совпадая с ним праздничным ощуще-

нием жизни и избыточностью культуры. Волшебный иллюзион Белова — Пикаловой зовет к свободному полету в мире грез, и даже ортодоксальный опероман не устоит перед этим вызывающим, раскованно-красивым спектаклем. Его сценография чудо как хороша, а для оперной России и просто революционна. Его режиссура так же молода и свежа для нас — она следует не сюжету, а музыкальной драматургии, отражая ее чувственные, яркие формы. Музыка здесь совсем не сопротивляется сцене, а непринужденно сливается с ней, приглашая всех наслаждаться, или, по лексике нашего дня, расслабиться и оттянуться.

Верди по-саратовски не просто удался, в чем единодушно сошлась критика. Он обозначил новый стиль: такие режиссеры и

сценографы вдохнут свежий воздух в оперу и приведут новую публику. Здесь родилась актерская звезда — Александр Багмат, блеснувший в заглавной роли. Поэт Багмат на хорошем европейском уровне, а игра, где значим каждый штрих, выделяет его героя как важную, истинно трагическую фигуру.

Собиновский фестиваль памяти Верди дал не просто отличный спектакль: жест в сторону Верди вышел не только красивым, но и актуальным, совпадающим с модными культурными тенденциями — опера как dolce vita. И чтобы совсем утвердиться в роли третьей оперной столбцы и подогнать Собиновскую программу под мировые каноны, Саратову остался еще один шаг — давать на фестивале мировую премьеру нового сочинения.